

ЛЯТЬ ЗАПРЕЩЕНО. ДИСЦИПЛИНИРОВАНИЕ ЖИВОТНЫХ И ИХ ВЛАДЕЛЬЦЕВ В ЮЖНОЙ КАЛИФОРНИИ

С.А. Стивенсон

В этой статье анализируется практика уничтожения животных в американских приютах. Эта практика, осуществляемая достаточно скрыто, противоречит заявленной миссии соответствующих социальных служб «по спасению жизни» и «поиску нового дома» для животных. Причина ее «скрытости» состоит в следующем. Несмотря на то, что принцип сочувствия и помощи легитимирует само существование служб для животных, на практике их деятельность в большей степени направлена на регулирование социального порядка взаимоотношений людей и животных. Животные, которые оказались на улице и были «спасены», рассматриваются специалистами как опасные нарушители порядка. В то же время государственные службы и подчиненные им приюты осуществляют контроль над хозяевами животных, чтобы гарантировать, что те будут вести себя в соответствии с социально приемлемыми ролями добропорядочных владельцев, которым можно доверить содержание домашнего друга.

Ключевые слова: США, домашние животные, приюты для животных, контроль, дисциплинирование, хозяева животных, доверие

Путешественник, приезжающий на Запад из какой-либо менее развитой, менее цивилизованной страны, замечает среди многих новых и замечательных вещей отсутствие вокруг наших несчастных младших собратьев, брошенных собак и кошек. Ни на улицах, ни рядом с магазинами или ресторанами, ни около строек и гаражей не увидишь стай собак или

Первоначальный вариант статьи был опубликован в: Stephenson S. The dog that could not bark // R. Sollund (Ed.). Global Harms. Speciesism and Ecological Crime. N. Y.: Nova Publishers, 2008. P. 151–166.

кошек, ищущих пропитание или просто бродящих вокруг или кормящих своих отпрысков. Каждая собака или кошка, встречающаяся на пути, — это животное, облагодетельствованное заботой человека. Наш путешественник может подумать, что вот оно действительно гуманное общество, не такое как то, откуда он приехал. Это чувство крепнет после разговоров с местными жителями, просмотра многочисленных телевизионных программ, посвященных спасению животных, чтения газетных публикаций о полицейских, снимающих котят с деревьев, попадающей на глаза рекламы, призывающей делать благотворительные взносы в пользу приютов для животных или странных объявлений, предлагающих усыновить дельфина или тюленя. Очевидно, даже дикие животные могут рассчитывать на помощь человека в этом мире всеобщей заботы.

Путешественник может прийти к выводу о том, что отсутствие на улицах потерянных и нуждающихся в помощи существ является результатом хорошо и правильно организованного общества. В нем владельцы любят своих животных и не бросают их. Если происходит несчастье, и животное потерялось или было оставлено на улице, другие люди придут на помощь, спасут его и найдут ему новый дом. Конечно, иногда попадаются владельцы, которые плохо обращаются с животными. Также некоторые несчастные животные слишком стары или больны, и должны быть усыплены. Однако в целом такие ситуации выглядят как исключение из правил. Иногда кто-то также услышит о неприятной практике всеобщей кастрации домашних животных. Такая практика была не очень распространена у путешественника на родине. Но если эти методы позволяют гарантировать благополучие животных, может быть это и есть та минимальная цена, которую приходится платить. Мы, люди, также дисциплинировались в процессе цивилизации. Цивилизация подавляет физическое начало, заставляет отказаться от получения удовольствия, от неконтролируемых и диких желаний. В то же время цивилизация ограничивает насилие, делая нашу жизнь более безопасной и предсказуемой.

Но что, если эта видимая цивилизация на самом деле порождается и поддерживается постоянным и скрытым насилием? Что, если утопическая картина гармоничного общества, где люди и животные счастливо живут вместе, на самом деле является дистопией? Что, если за картиной благополучия стоит ежедневная смерть и разрушение, бдительная охрана границ «цивилизации» и постоянный контроль за природой?

Добро пожаловать в калифорнийский приют для животных

Некоторое время назад автор этой статьи, тогда еще блаженно не ведающая о некоторых аспектах цивилизованной жизни, приехала в гости к подруге в Южную Калифорнию. Елена, большая любительница животных, решила поработать волонтером в местном приюте для живот-

ных. В это учреждение, на воротах которого висела гордая вывеска «Посвящается спасению жизни каждого животного, которого можно сохранить», попадали животные, оказавшиеся на улице или брошенные прежними владельцами. Для того чтобы владельцы могли оставить своих бывших питомцев, избегая осуждающих взглядов окружающих, в приюте было даже организовано специальное окно, куда они могли его опустить. Все было сделано для того, чтобы владельцы (или люди, нашедшие животных) могли без всяких препятствий оставить несчастное создание в приюте. Здесь оказывались собаки, кошки, попугаи, кролики и даже змеи. В стенах этого учреждения они должны были пребывать в ожидании новых хозяев. Приют не особенно нуждался в средствах. Декларируемая гуманная миссия приюта по спасению жизней позволяла ему получить значительные благотворительные пожертвования. Кроме того, будучи частью окружной системы служб контроля над животными, он также получал финансирование от местных властей.

Служба по контролю над животными имела много задач и функций. Если раньше такие службы ограничивались ловлей собак и кошек и отправкой их на живодерню, то сейчас они гораздо более гуманны. Они спасают больных или брошенных животных. Если животное потерялось, они пытаются найти владельца по микрочипу на теле животного. Если такой микрочип отсутствует, животное остается в приюте до трех недель, ожидая хозяина. У работников приюта есть также другие функции. Они могут быть вызваны для того, чтобы проверить случаи возможного насилия над животными. Они учат владельцев ответственно относиться к содержанию животных. В более серьезных случаях насилия или плохого содержания они могут применять меры административного характера или подать на владельца в суд. Все вышечисленные функции являются частью калифорнийской программы по «развитию безопасного и здорового сообщества людей и животных».

В приюте, куда устроилась Елена, заботу о животных делили между собой рядовые сотрудники и волонтеры. Последним доверяли уход за повседневными нуждами животных, их кормление и вывод на прогулку.

Вскоре после начала работы Елена стала замечать, что животные, за которыми она ухаживала, постепенно исчезали. Некоторых забирали прежние или новые хозяева, но для многих хозяева не были подобраны, и все же, когда она приходила на работу, то обнаруживала пустые клетки. Информация об этих животных, размещенная в Интернет для потенциальных владельцев, также удалялась. Боксер или пудель, с которыми она еще вчера играла, пропадали неизвестно куда. После разговоров с другими волонтерами ее опасения подтвердились. Животные были «эвтаназированы», уничтожены с помощью смертельного укола. До этого Елена не была в полной мере осведомлена об умерщвлениях в приюте. На первом ориентационном занятии перед началом работы волонтерам рассказывали, что

приюту иногда приходится уничтожать животных, особенно, если они старые и больные или проявляют агрессию по отношению к человеку. При этом их заверили, что работники пытаются всеми силами избежать этого. Однако, как оказалось, около половины из всех поступавших в приют собак уничтожались. Причем уничтожались вполне здоровые и дружелюбные собаки, которых Елена хорошо знала и к которым успевала привязаться. Кроме того, собаки часто уничтожались, когда в приюте было много свободных мест, и стало быть, не было проблемы их содержать.

Процесс происходил следующим образом. Каждый день волонтеры получали распечатанный список с кличками собак. Напротив собак, которые могли быть переданы новым хозяевам, было написано «доступны». Их показывали потенциальным владельцам и рекламировали на сайте приюта. Они были доступны для «усыновления» после обязательной стерилизации. Напротив кличек других собак появлялось грозное слово «округ». Это означало, что они теперь полностью принадлежали окружным властям. Они теперь решали судьбу животного — должно ли оно быть отослано в другой приют, допущено для усыновления (обычно это происходило с породистыми животными, которых было проще пристроить) или оно могло быть умерщвлено. Собаки, которые уже получили смертный приговор, больше не включались в список животных. Они помещались в клетки на заднем дворе, и волонтерам советовали не выводить их на прогулки. Обреченная собака оказывалась в пространстве между жизнью и смертью, и уже никто и ничто не могло ее спасти. Даже если волонтер, переживая за собаку, решал ее взять домой или был готов помочь найти нового владельца, приют обычно не приветствовал такие инициативы. Все документы для эвтаназии уже были подготовлены. Никто не хотел дополнительных проблем, связанных с переоформлением бумаг. Уничтожал животное приглашенный «специалист» или сами штатные работники приюта.

Постепенно полный смысл девиза приюта — «животное, которое можно сохранить», — становился очевидным. Не все животные могли быть сохранены. Более того, приют избавлялся не только от больных и старых собак. Даже молодых и здоровых собак могла ждать печальная участь. Только лучшие из лучших могли выжить.

Приют осуществлял жесткий отбор тех животных, которые могли быть «усыновлены» и повторно вернуться к жизни. Этот отбор проводился с помощью ряда тестов. Чаще всего использовались так называемые тесты темперамента, которые были разработаны для выявления различных типов нарушений у собак — уровня нервозности, страха, агрессивности, пассивности, инстинкта самозащиты, необучаемости или асоциальности. Собаки, причисленные к числу «усыновляемых» после прохождения первого набора тестов часто подвергались вторичной проверке, тогда как остальные уже не проходили никаких дополнительных тестов.

Читая позднее о тестах темперамента животных, я узнала многие из процедур, которые мне описала Елена. Например, тест Штенберг [Stenberg test, 2003] имеет в своем числе процедуры, обозначаемые как «тридцать секунд ласки», «объятие ветеринара» и «охрана миски с едой с использованием пластиковой руки на палке». В первом тесте проверяющий, обычно человек, незнакомый собаке, входит в клетку и гладит собаку в течение 30 секунд. Если собака вместо того, чтобы получать удовольствие от этой процедуры, замирает, уходит или рычит, она не проходит тест. Также, если проверяющий крепко обнимает собаку, охватывает ее спину и прижимает к земле, и собака не расслабляется и не садится, а вместо этого становится напряженной, сопротивляется, рычит или замирает, она не проходит тест. Когда пластиковая рука появляется для того, чтобы забрать миску у собаки, собака должна продолжать есть. Если она замирает, рычит, хватается, прыгает и кусает пластиковую руку или пытается переместить миску, собака не проходит тест. В других тестах собака должна быть дружелюбной или по крайней мере равнодушной, если она приближается к кошке, помещенной в клетку, должна позволить проверить себе зубы пять раз в течение дня без всяких протестов, а также оставаться дружелюбной в присутствии других собак. Провал на одном и более тесте означает смертельный приговор.

Надо учесть, что многие собаки, поступающие в приют, только что потеряли владельцев. Они были помещены в ситуацию, где они были постоянно окружены множеством незнакомых людей и животных. Многие были испуганы и подавлены. Ожидать от них прохождения «объективных» научных тестов в этих условиях было бы странным. Однако даже если бы животные были в хороших условиях, в ходе тестов они помещаются в ситуации, в которых они должны вести себя вопреки своей природе. Собаки должны доброжелательно относиться к кошкам, спокойно отдавать свою еду, демонстрировать счастье и удовольствие, когда их хватают и сжимают незнакомые им люди. В сущности, для того, чтобы выжить, собаки должны преодолеть свое естество и научиться вести себя в полном соответствии с требованиями системы, решающей вопросы жизни и смерти на основе тестов, которые заведомо очень сложно пройти. Смысл и значение этих тестов находится за пределами понимания животных. Животные помещаются в кафкианский процесс, который они не понимают, и в котором правила игры заранее работают против них.

Однако многие животные в приюте уничтожались и безо всяких тестов. Бойцовые собаки уничтожались сразу же после обязательных трех недель содержания. То же самое происходило с собаками, которые были нервными и подавленными. Периоды, когда не было достаточно клеток для животных, а также окончания отчетно-финансовых периодов также совпадали с пиками уничтожения животных.

Почему же приют убивал так много животных? Работники приюта объясняли волонтерам, что причина кроется в заботе приюта о благополу-

чии животных. Они заявляли, что когда собака находится в приюте достаточно долгое время, она становится «институционализированной», несчастной и нервной. Она сама бы попросила об эвтаназии, если бы могла говорить. Также приют должен был быть уверен, что приемные собаки будут безопасны для новых владельцев и не причинят вреда другим людям (или животным), с этим была связана суровость тестов. Недостаток ресурсов являлся также одним из факторов, поскольку приют не располагал достаточными средствами для содержания всех животных. Кроме того, уничтожения объяснялись тем, что для животных не хватало усыновителей.

Однако в этом случае возникала другая загадка. В некоторых случаях животные уничтожались, даже если такой усыновитель находился. Один раз Елена смогла забрать на прогулку бойцовую собаку, ожидавшую эвтаназии в клетке на заднем дворе. Это было нарушением правил, но так как к тому времени Елена уже была опытным волонтером, ей позволили это сделать. Гуляя с собакой, она встретила молодых людей, которые стали восхищаться прекрасным внешним видом и породой собаки. Узнав о ее печальной судьбе, они предложили забрать ее. Однако работники приюта им отказали. Они сомневались, что молодые люди смогут обеспечить ей достойный уход. Например, ее могли использовать для собачьих боев. В результате скоро после этого инцидента собака была уничтожена. Та же судьба ожидала сибирскую лайку, которая, по словам Елены, не имела никаких проблем с поведением и была спокойной и ласковой. Многие посетители хотели взять ее домой, но работники приюта им не советовали, повторяя: «Она только выглядит симпатичной. Как только вы ее возьмете домой, она от вас убежит». В результате лайка была уничтожена.

Умолчания и реальность

Очевидно, принцип спасения жизней не был ключевым в работе приюта. Его настоящая миссия была скрыта, окружена молчанием и недоговорками. Хотя узнать статистику о количестве уничтожений животных в приютах совсем не сложно (в США вся статистика об их деятельности является доступной для публики), в общественном восприятии доминирует «фасад» этого учреждения, символически декларирующий, что единственной его заботой является благополучие животных, а именно: спасение, забота и предоставление нового дома. Приют выглядел как убежище от насилия и смерти, место, где каждодневно реализуется священная миссия сохранения жизни. Символизм любви и заботы отражался в просторном фойе приюта, где висели фотографии счастливых животных и их владельцев и постеры, говорящие о гуманистической миссии этого учреждения. Люди, нашедшие животных на улице или не имеющие возможности больше за ними ухаживать, были убеждены, что они доставляют их в убежище, в место, где их ждет новая, лучшая жизнь.

Мало кто, сдавая животное работникам приюта, предполагал, насколько высоки шансы, что его здесь уничтожат.

Скорее всего, фасад приюта оказывался приемлемым потому, что он соответствовал распространенным представлениям о наших отношениях с домашними животными¹. Существует точка зрения, что люди на Западе могут быть равнодушными к страданиям других людей, но благополучие животных для них превыше всего. Обсуждая распространенность насилия в современном обществе, философ Венди Хамблет сокрушенно отмечает, что «в США существует 1 500 приютов для женщин подвергнувшихся насилию и 3 800 приютов для кошек и собак» [Hamblet, 2004. P. 78]. Однако женщины не должны завидовать собакам и кошкам. Ежегодно уничтожается около половины всех животных, попадающих в американские приюты [CNN, 2007]. Такое происходит не только в государственных приютах (хотя они убивают чаще), но и в благотворительных и частных приютах.

Реальность, которую можно обнаружить за фасадом приютов, скрытым от общественного взора, состоит в том, что здесь существует совершенно другой режим, организованный по принципам, в корне отличным от принципа заботы. Это режим обследования и уничтожения. Животные проходят проверку, определяющую их «реабилитируемость». Собаки экзаменуются на основе тестов, которые как мы видели, созданы для того, чтобы их было почти невозможно пройти. Большинство кошек и других животных, «спасенных» с улицы и принесенных в приют владельцами, уничтожаются без какого-либо тестирования.

Что происходит, когда замалчивание больше не возможно, когда кто-то начинает задавать вопросы? Приют неоднократно судился с журналистами и простыми гражданами, подвергавшими сомнению его гуманитарную миссию. Возвращаясь к истории моих друзей, я сама наблюдала попытку протеста и его подавление. Муж Елены, зная о происходящем от жены, попросил о встрече с руководством приюта (последней каплей было убийство лайки). Наивно полагая, что как налогоплательщик он имеет право на информацию, он задал прямой вопрос одному из старших сотрудников: «Почему вы убиваете животных?». Этот вопрос вызвал ярость и возмущение. Говорить об убийстве в стране эвтаназии означало нарушить табу. Мужа Елены обвинили во «враждебности» по отношению к сотрудникам приюта и запретили туда приходить. Когда он в следующий раз зашел в приют, чтобы подождать жену после работы, сотрудниками была вызвана полиция, которая вывела его на улицу и предупредила об уголовной ответственности, если он будет нарушать порядок деятельности этого учреждения.

¹ Как отмечает Фрэнклин, «характеризовать модернисты как сентиментальный период благотворительности к животным — значит упускать из вида неоднозначную природу отношений между животными и людьми и устойчивость практик, которые противоречат этой позиции» [Franklin, 1999. P. 24].

Животные и их место в современном обществе

В чем же провинились животные, и почему приюты их так безжалостно уничтожают? Чтобы ответить на эти вопросы, нам необходимо критически посмотреть на место животных в современном обществе (особенно тех, которых причисляют к домашним животным). Теряя владельцев при каких бы то ни было обстоятельствах, животные теряют и статус непроблематичных друзей человека, привязанных к пространству дома. Если владельцы сами бросили их, это ставит домашних животных под подозрение. А что если что-то с ними было не так? Если животные потерялись и какое-то время находили себе пропитание на улице, этот вариант может быть еще хуже. На улице, за пределами человеческого контроля, они превращаются в опасных паразитов, приобретают вредные привычки и таким образом почти совершенно теряют шансы найти новый дом. Кроме того, после попадания в приют у них вполне вероятно появятся поведенческая реакция на институционализацию (так называемый приютский синдром), и это опять же сделает их непригодными для «усыновления» новыми хозяевами. Получается, что животные должны были оставаться там, где они были прежде, в рамках контролируемого домашнего пространства. Если они вышли за его пределы, то волей или неволей они совершают опасную трансгрессию.

Животные становятся подобны людям, нарушающим социальный порядок. Они пересекают черту и начинают ассоциироваться с «грязью», с материей, которая находится в том месте, к которому она не принадлежит. Как писала Мэри Дуглас, «человек, вызывающий загрязнение, всегда оказывается неправым. У него есть какое-то неправильное качество или он пересек некоторую черту, которую нельзя пересекать, и это нарушение уже может быть опасным для кого-то другого... Загрязнение может быть ненамеренным, но это не меняет дела» [Douglas, 1966. P. 114]. После того, как они один раз пересекли черту, получить статус животного, которого можно допустить в домашнее пространство, очень трудно.

Антропологи давно отметили, что способы, с помощью которых животные социально определяются и помещаются в материальное или воображаемое пространство человека, обуславливают обращение с ними. Эдмунд Лич показал, например, что мы обращаемся друг с другом и с животными в соответствии с определенными классифицирующими схемами.

То, что нам необходимо знать о *Другом* – животном или человеке – это то, где его место в общей картине вещей. В случае с животными важно определить, можно ли их есть или нет, можно ли их держать в доме, или они паразиты и дикие чудовища? Можем ли мы их безнаказанно убивать, или они являются «священными» и неприкасаемыми? [Leach, 1973. P. 17].

Обсуждая домашних животных, Ричард Томас [Thomas, 1983] продемонстрировал, что их главными характеристиками является то, что они не являются съедобными, они живут вместе с людьми и рассматриваются как квазичлены семьи.

Домашние животные находятся в центре мира человека — в самом пространстве дома. Это качество отличает их от других животных, которые помещаются за пределами дома, на скотном дворе, от диких животных, животных, используемых для медицинских экспериментов и промышленного животноводства. Домашние животные, принятые в приватное пространство, оказываются включенными в сеть эмоциональных связей с другими членами домохозяйства и могут рассчитывать на заботу о себе. Однако в обмен за заботу домашние животные должны изменить свое поведение, стать покорными и покладистыми. Таким образом, они становятся одновременно объектами привязанности и доминирования [Tuani, 1984]. Они должны подчинить все свое существование воле хозяев. Их природа трансформируется через регулируемое размножение. Их тела становятся, используя определение Фуко [Foucault, 1979], «покладистыми», они манипулируемы и улучшаемы с помощью дрессировки и выведения «нужных» человеку пород. Как максимальное выражение власти, их сексуальные органы удаляются, и функционирование их тел оказывается скорректированным в соответствии с запросами человека.

Домашние животные, наши компаньоны, завоевали место в жизни человека в результате многовекового процесса. Им приписываются утилитарные и аффективные функции [Serpell, 1989]. Как считается, последние сейчас особенно ценны. Постиндустриальное отчуждение превратило животных в особенно важных объектов привязанности. Они превращены в «либидозную валюту», с помощью которой компенсируется недостаток социальных контактов, изоляция и нарциссизм. Домашние животные становятся важным объектом в отражения социальных и аффективных потребностей и фантазий человека [Nast, 2006]. С каждым годом растет их количество. Некоторые животные превращаются в «элиту» мирового потребления, проводя время на собственных курортах, становясь объектом внимания терапевтов, массажистов и учителей йоги, получая доступ к особым паркам и пляжам, и даже к собственным поместьям.

Однако властные отношения между животными и людьми остаются в сущности неизменными. Животные, которые больше не выполняют своей практической или эмоциональной функции в доме, легко заменяются чем-то другим. Если они жуют занавески, портят паркет, лают или просто превращаются в бремя для хозяев, они быстро теряют положение квазичлена семьи, а с ним и саму цель своего существования. Одно из исследований, например, показало, что среди поведенческих проблем, которые послужили причиной для помещения животных в приют были: лаяние (41%), грызня или жевание вещей (24%), гиперактивность

(45 %) и проблемы с домашней дрессировкой (21 %). Агрессия по отношению к другим животным была выявлена в менее чем 8 % случаях и агрессия по отношению к людям – в менее чем 9 % [Dog's Owner's Guide]. В среднем, американское домохозяйство держит домашних животных только два года [Tuan, 1984. P. 88]. Как и с вещами, не существует какой-либо моральной обязанности держать то, что уже не хочется оставлять в доме. Животные рассматриваются как собственность, и это оправдывает их уничтожение. Выставляя их за пределы дома, их причисляют к «мусору» современной цивилизации, включая в состав когда-то любимых и желанных, но теперь уже ненужных и забытых вещей.

Для того чтобы избавиться от своих питомцев, владельцы могут прибегать к ветеринарным службам. Доктора могут прекратить их жизнь, используя свое экспертное знание и провозглашая невозможность их «нормализации» как домашних животных из-за того, что они слишком больны, слишком стары или имеют поведенческие «девиации». Некоторые владельцы просто отдают животных для эвтаназии, не организовав никакого обследования. Другие могут просто выбросить животное на улицу, где оно становится «паразитом», несанкционированным нарушителем границ городского пространства. Здесь подключается система общественной гигиены, которая либо сразу же уничтожает животных, либо помещает их в приют для обследования. Наконец, владельцы могут сами сдать животное в приют в надежде, что их передадут новым хозяевам, со всеми вытекающими из этого, как мы видели, последствиями.

Как опасно бежать за велосипедом

Итак, приюты, как и другие службы контроля за животными, выполняют вполне утилитарные функции по уборке отходов. Они убирают ненужные объекты из тех мест, где те не должны находиться. Конечно, плохо, когда люди отдают своих бывших питомцев в холодные и равнодушные объятия государственной машины. Но государство просто собирает, обследует, сортирует и уничтожает ненужный мусор. Нельзя ожидать, что оно будет любить наших домашних животных. Оно поступает с ними только одним возможным способом, как только может поступать: холодно, методически и бюрократически. Однако эта точка зрения не объясняет наблюдаемых особенностей функционирования этой системы, а именно, того, насколько смерть доминирует над жизнью в ее операциях, ее навязчивых страхах перед хаосом, который может последовать, если животные останутся на свободе, и глубоко укорененной подозрительности в отношении собак и их владельцев.

Для служб, осуществляющих контроль над животными, недостаточно отдать одних собак новым владельцам и уничтожить тех, кто остался невостребованным. Эти службы подходят к живым существам

с невероятной бдительностью, пытаясь предотвратить любые попытки появления «неподходящего» животного в среде обитания человека, и осуществляя постоянное наблюдение за отношениями между животными и людьми даже за стенами самих учреждений.

Собаки, которые попали в поле зрения служб, остаются на подозрении, даже если они были оставлены в живых и отданы новым хозяевам. Считается, что всегда остается возможность ошибки в проведении обследования. Группа американских специалистов по поведению животных описала в одной из статей, как они использовали модифицированный тест Штенберг для оценки собак, взятых из социального приюта для животных в Нью-Йорке и здесь же уже прошедших тестирование. Результаты показали, как пишут авторы статьи, что большинство собак не должны были переданы в руки новых владельцев. Хотя только одна собака из 66 (1,5 %) оказалась агрессивной, у 71,2 % собак наблюдалось поведение, которое могло быть охарактеризовано как «совместимое с агрессией». Так, лаяние наблюдалось в 30,3 % случаев, тогда как 34,8 % собак рычали или бросались на проверяющих, 6,1 % собак кусались или грызались. Авторы отметили, что сложно сконструировать совершенно объективные научные тесты и что в литературе существуют разногласия по поводу отдельных индикаторов неприемлемого поведения. Так, например, сложно провести грань между различными типами агрессии в поведении, таком как «преследование с лаем велосипедистов, бегущих людей, мелких животных». Проявляет ли собака, бегущая с лаем за велосипедом, среднюю или экстремальную агрессию? Однако эти сложности, по мнению авторов статьи, не могут дискредитировать саму идею тестирования. Хотя ни один из опрошенных владельцев не хотел избавиться от своей собаки, авторы, тем не менее, делают вывод, что приюты должны ужесточить тестирование.

Владельцы животных также оказывались на подозрении. Авторы статьи подчеркивали, что владельцы, которых они проинтервьюировали, скорее всего, не предоставили им беспристрастный доклад о случаях агрессии против них из-за «страха за собаку, которую могли забрать, или возможного опасения, что они сами могут быть обвинены в ее поведении» [Christensen et al., 2007. P. 94]. Страх владельцев за самих себя и своих собак указывает на тот факт, что в данном случае мы имеем дело с властными отношениями. Не только собаки, но и их владельцы оказываются под постоянным оценивающим оком органов контроля.

Другие люди также оказываются объектом пристального внимания этой структуры. Если человек хочет взять животное из приюта, он сам должен пройти через длительную процедуру обследования. В калифорнийском приюте для животных работники объясняли их нежелание отдавать животных некоторым из потенциальных владельцев необходимостью быть уверенными в том, что они предоставят действительно

хороший дом для животного, где оно не будет подвергаться насилию или будет правильно содержаться. Однако и здесь все не так просто, как кажется. Арнольд Арлюк, проведший включенное наблюдение в одном американском приюте для животных, описал некоторые из причин, по которым потенциальным владельцам могло быть отказано взять животное [Arluke, Sanders, 1996. P. 92]. Некоторым отказывалось потому, что работники приюта считали, что из-за постоянной занятости они не смогут проводить достаточное время дома, даже если по всем остальным критериям казалось, что они смогут стать хорошими хозяевами. О других думали, что они скептически относятся к стерилизации животных, не будут держать их в помещении или водить на поводке. Хотя многие возражения были сформулированы в терминах заботы о благополучии животных, в аргументации работников приюта содержалась явная озабоченность об обязанностях владельцев перед обществом. Приют хотел убедиться, что владельцы будут вести себя как ответственные граждане и содержать животных в соответствии с положенным тем местом. Если владельцы подолгу не бывали дома или могли вести себя с животными слишком либерально, то возникала опасность недопустимого хаоса. Ставился под угрозу сам порядок отношений между человеком и природой, которую человек должен был подчинить себе.

Владелец должен соответствовать социально предписанной роли строгого хозяина, способного заботиться о животном и одновременно контролировать его поведение. Невыполнение этой роли может привести к серьезным санкциям. Если, скажем, сосед пожалуется, что с животным плохо обращаются, работник контролирующей службы может его забрать. Если возникает подозрение, что собака используется для собачьих боев, это также может привести к серьезным последствиям. Владельцу может быть предъявлен штраф или даже обвинение в уголовном преступлении. Тогда спасенное животное будет направлено в приют и убито самими работниками по контролю над животными, которые до этого его вроде бы спасали, с одной стороны. С другой стороны, если владелец заявит в контролирующую службу и сообщит о том, что его собака лает и кусается, ее заберут и обязательно уничтожат.

Все это демонстрирует то, что социальные службы по контролю над животными не являются ни гуманитарными организациями, ни просто аппаратом по уборке «отходов». Они являются частью дисциплинирующей системы, предназначенной для контроля, проверки и внедрения принудительного послушания для животных и их владельцев.

Настоящая миссия служб по контролю над животными

Предшественники служб контроля над животными, примитивные живодеры и ловцы собак, были, пользуясь терминологией Фуко

[Foucault, 1987], представителями «власти смерти». Они навязывали порядок, регулируя хаос естественного мира и уничтожая жизнь в прямом смысле слова. Напротив, наш приют функционирует в пространстве «био-власти», как ее обозначил Фуко в той же работе. Эта власть нормализует жизнь, решая, какие жизненные формы должны существовать, а какие должны быть запрещены вплоть до уничтожения. Она отбирает все то, что непредсказуемо, что зависит от неконтролируемых сил природы и оставляет только тех животных, которые отвечают требованиям роли домашнего животного. По этой причине власть внедряет программы стерилизации, тестирования и уничтожения, напрямую вмешиваясь в естественный репродуктивный процесс. Это вмешательство указывает на то, что мы имеем дело с классической евгенической программой, дискредитированной в двадцатом веке в отношении человека, но продолжающую применяться в отношении домашних животных. Новая «мягкая» идеология безопасности сообщества и благополучия животных маскирует тоталитарные принципы воспроизводства норм и удаления всего того, что им не соответствует.

Целью этой программы является воспроизводство упорядоченного мира отношений человека и животного и вычищение несоответствий. Подобно евгенической программе, которая зародилась в девятнадцатом веке, и воплотилась в той или иной мере в первой половине двадцатого века во множестве стран, начиная от Швеция и США и заканчивая гитлеровской Германией, эта система власти использует «науку» для того, чтобы отобрать существа, которые демонстрируют «природные отклонения» или некоторые вредные приобретенные черты и могут оказаться опасными для социального порядка. Программа контроля над животными простирается за пределы приютов и охватывает все урбанизированное сообщество — от коммерческих предприятий по разведению животных до домов их владельцев и уличного пространства. Приют является структурой, которая находится в центре этой системы, которая конструирует животное, используя выражение Фуко, «как результат и объект власти, как результат и объект знания». Приют также, как мы видели, обследует потенциальных владельцев с точки зрения их способности нормализовать собак.

Приют выполняет одновременно две функции, оценивая, насколько собаки и люди соответствуют отведенному им месту в системе отношений человек-природа. Для собаки важно быть послушной, а для владельца — ответственным. Но результат никогда не является предопределенным, ошибки возможны, и в обоих случаях дисциплинарная машина стремится к максимальной строгости. Она устанавливает критические пороги, которые могут быть преодолены только с большим трудом. Если собака не проходит тест, то она должна быть уничтожена; если владелец не может подтвердить свою добропорядочность, он не получает собаку

(или лишается уже имеющейся). Каждая неудача затягивает животное все дальше в воронку системы, приближая печальный конец.

За пределами стен приюта используются и другие программы, предназначенные для изменения домашних животных и их владельцев. Люди должны подвергаться дисциплинирующему воздействию и знать о своих обязанностях в качестве владельцев животных. Поэтому работники приюта и другие сотрудники служб по контролю над животными включены в образовательные программы. Они часто работают в партнерстве с благотворительными и гуманитарными организациями, продвигающими идеи ответственного отношения к животным. Владельцам активно рекомендуется посещать с животными уроки послушания и водить их к ветеринарам. Им также рекомендуется стерилизовать своих питомцев.

Репродуктивная сфера является предметом особой заботы. Стерилизация кошек и собак рассматривается как способ сократить «наплыв» животных в приюты и предотвратить появление новых ненужных животных. Эта процедура конструируется как обязанность владельцев. Особые усилия прилагаются к тому, чтобы проинформировать молодое поколение об этой обязанности. Одна из калифорнийских благотворительных организаций для животных (Maddy's Fund) распространяет красочные книги для детей, предназначенные научить их «ответственности, сопереживанию и ознакомить с радостями общения с животными». В одной из этих книг под названием «Стерилизация и бесполоая жизнь» детям предлагается раскрасить картинку, на которой изображены счастливые кошки и собаки, держащие карточки, на которых написано «Горжусь быть стерилизованной», «сделайте меня бесполой» и «да стерилизации». Все эти животные нарисованы как детские игрушки или мультяшки без половых органов. Текст на странице объясняет, что «меньшее количество щенков и котят облегчает приютам для животных поиск любящих хозяев для уже рожденных собак и кошек».

Критики движения за стерилизацию сомневаются в том, что она может достигнуть желаемого результата. Людям нравятся щенки и котята, и сокращение числа животных в приютах не препятствует коммерческому их разведению. Более того, предполагаемые блага стерилизации маскируют глубоко утилитарную природу наших взаимоотношений с домашними животными. Ведь в основе отношений людей и домашних животных лежит принцип инструментализма, который подразумевает обращение с животными как со средствами для удовлетворения наших потребностей [Palmer, 2006]. Десексуализация животных является частью той же логики доминирования, как и их уничтожение в приютах. Стерилизация, создание совершенно послушных тел животных является способом дисциплинирования природы в соответствии с правилами социального контроля.

В числе более инновационных дисциплинарных решений находится временная передача собак заключенным. Сегодня в США продвигаются

программы дрессировки животных в местах заключения, декларирующие одновременную реабилитацию животных и людей. Один Веб-сайт приглашает нас «представить, как заключенные проходят тренинг, чтобы в свою очередь дрессировать собаку из приюта для животных. Заключенные учатся радоваться, сострадать и быть ответственными, и при этом приобретают полезные навыки, которые могут им помочь в поиске будущей работы. Собака становится послушной и пригодной для передачи новым владельцам. И тогда счастливые семьи смогут взять хорошо дрессированную собаку, которая только несколько недель назад могла быть уничтожена, потому что была никому не нужной» [Prison-Based Dog... 2007]. Несмотря на все достоинства таких программ, это круглосуточное дисциплинирование людей и природы воплощает абсолютную мечту контролирующей машины – ситуацию, в которой люди и животные сливаются в едином самопреобразующем порыве!

Борьба с хаосом

Очень трудно возражать против необходимости контролировать воспроизводство животных, живущих в непосредственной близости от человека. Вид городов, в которых повсеместно бродят стаи брошенных собак и кошек, не соответствует современным представлениям о городской жизни. Хотя в естественных условиях среди диких животных проблема перепроизводства частично разрешается благодаря смерти молодых и больных животных [Putman, 1989], человек больше не доверяет природе в решении этой проблемы.

Животные, брошенные хозяевами или рожденные от бродячих собак и кошек, абсолютно неприемлемы для любой организованной системы социального порядка. Используя выражение Мэри Дуглас, они представляют «вызов отклоняющихся форм» [Douglas, 1966. P. 40]. Пребывание бывших домашних животных в «диких» пространствах городов, как полагает Гриффитс [Griffiths et al., 2000], вызывает у людей тревогу, потому что оно противоречит самой идее домашних животных как близких человеку и мобилизует глубоко укорененные страхи в отношении дикой и неприрученной природы. Однако поскольку брошенные животные никогда абсолютно не теряют своего «одомашненного» ярлыка, они воспринимаются как «неестественные» формы и становятся объектами глубоко укорененного ужаса, который испытывает человек, когда знакомые жизненные формы превращаются во что-то странное.

Не все страны столько «последовательно» решают проблемы бродячих и брошенных животных. Есть общества, которые более терпимо относятся к природному хаосу. В российских городах, по крайней мере, до недавнего времени, система контроля над животными включала в себя как открытое насилие, так и значительную долю толерантности.

Владельцы собак и кошек жили в страхе, что если их любимец по какой-то причине потеряется, то он может стать жертвой живодеров, которые поймают его и увезут на верную смерть. Образ ловцов животных с крюками и сетями, вестников внезапного и ужасающего насилия, являлся напоминанием о темных силах смерти, которая может с легкостью и в любой момент снизойти на вас и ваших близких. Но в повседневной жизни природа и люди сосуществовали в хаотической гармонии. Многие люди кормили бродячих собак. Достаточно типичной была ситуация, когда семья брала щенка с улицы или забирала в дом суку вместе с ее потомством. Магазины, гостиницы и столовые регулярно подкармливали одну или несколько собак или кошек. Хотя животные часто не принадлежали кому-то конкретно и не имели своего дома, они могли рассчитывать на миску воды или молока и на пищу, оставленную для них на куске газеты. Семьи кошек оккупировали подвалы домов, создавая запах, безошибочно ассоциирующийся с городским жильем. Некоторые из жильцов кормили их, другие просто терпели, видя в них несчастных заброшенных существ, которые, несмотря на все неприятности сожительства с ними, не заслуживали смерти.

Однако в развитых западных обществах не принято терпимо относиться к хаосу. Современность одержима идеей порядка. Все больше и больше городская среда оккупируется коммерческими интересами, требующими защиты от нежелательных элементов [Davis, 1990; Vauman, 2004]. Любые неуправляемые жизненные формы, не только собаки и кошки, представляют угрозу этой гиперконтролируемой городской среде. Группы лиц «без документов и без определенного места жительства» (от «асоциальных» элементов до иммигрантов и беженцев) вызывают тревогу среди граждан и репрессии со стороны государства.

При этом репрессивный запал контролирующей системы, ее функции по уборке отходов и дисциплинированию людей и животных должны соотноситься с идеологией благополучия, которая до сих пор требует от государства и граждан помогать слабым и нуждающимся. Подобно другим группам, которые не вписываются в законный порядок вещей, от бродячих кошек и собак нельзя избавиться просто так, без (декларативных) сантиментов и бюрократических правил. В результате мы имеем дело с такими невнятными и парадоксальными понятиями, как «эвтанизация», «уничтожение во имя спасения» и так далее. Наглядной иллюстрацией смутных моральных оснований уничтожения животных может служить законодательство Великобритании. Как отмечает один британский ветеринар, описывая проблему бездомных кошек, «контроль за кошками с помощью отстреливания или отравления является определенно незаконным, так как кошки находятся под защитой государства как домашние животные посредством Акта о защите Животных в Англии (1911) и Шотландии (1912), а также Акта о Жестокости по Отношению к Живот-

ным (1986). Контроль с использованием капканов и умерщвление кошек посредством хлороформа или введения смертельного укола ветеринарным хирургом является законной и широко практикуемой практикой в клиниках для домашних животных» [Neville, 1989. P. 263].

Вполне оруэлловскую картину того, что общество делает с животными, представляет и наш калифорнийский приют. Он пытается обеспечить себе общественную легитимность, прибегая к языку любви и заботы, при этом на самом деле являясь институтом регуляции природы, главным инструментом которого служит насилие.

Сочетание функций уничтожения отходов, дисциплинирования и осуществления социальной поддержки в работе приюта не является чем-то специфическим для служб по контролю над животными. Как писал Дэвид Гарлэнд, в современном обществе идеология благополучия и социальной поддержки слита с аппаратом контроля [Garland, 1985]. Однако в то время как функция социальной поддержки играет ключевую роль в системе общественной легитимации дисциплинарного аппарата, другие более важные функции контролирующей машины остаются скрытыми и замалчиваемыми. Приют очень хорошо это иллюстрирует. Для внешнего потребления это учреждение громко провозглашает свою гуманную миссию. Оно приглашает волонтеров помочь ему ухаживать за животными. Оно обещает тем, кто приносит животных, подыскать им новых заботливых хозяев. Даже нанимая собственный персонал, приют настаивает на том, что деятельность новых работников будет посвящена сохранению жизни животных и поиску для них нового дома. Лишь постепенно они узнают, что они должны будут организовывать или лично осуществлять уничтожения животных. Когда они узнают правду, они, как правило, уходят из приюта или прибегают к стратегиям нейтрализации и вытеснения вины [Arluke, Sanders, 1996; Frommer, Arluke, 1999].

Никто не входит в двери учреждения, до конца осознавая весь масштаб насилия, которое в нем происходит. Те, кто приходит сдавать животных, верят в то, что о них позаботятся. Волонтеры и постоянный персонал приступают к работе, не полностью понимая, какие обязанности и в каком контексте они будут выполнять. Однако в то же время реальность не является до конца скрытой. Она угадывается, создавая чувство страха и тревоги [Merleau-Ponty, 1964]. Нелицеприятная суть проекта по обеспечению «благополучия животных» постепенно проясняется. И тогда люди либо принимают участие в осуществлении насилия, либо, полностью осознав, что на самом деле происходит, уходят, как сделала Елена, уволившись сразу после описанных событий.

* * *

Как видим, приют не предназначен для «спасения жизни каждого животного». Он является агентством по осуществлению социального

контроля, устанавливая границы между людьми и природой и предотвращая их несанкционированное пересечение. Животные, которые не ведут себя в соответствии с приписанной им ролью, испытываются и наказываются. Люди, которые сами применяют насилие по отношению к животным (а не действуют через специальные аппараты насилия) и которые отклоняются от своей роли строгих и заботливых хозяев, тоже дисциплинируются. То часто отмечаемое обстоятельство, что люди включены во всевозрастающее потребление домашних животных как гиперкоммодифицированных объектов не противоречит факту, что каждый аспект наших отношений с домашними животными осуществляется под пристальным взором государства.

Современное городское общество было названо Анри Лефевром «бюрократическим обществом контролируемого потребления». Это общество, которое неистово потребляет и создает бесконечный поток отходов, от машин или ванн до, как оказалось, домашних животных. В то же самое время это также общество, где принуждение является основой социального порядка, где силовые агентства и структуры власти проецируют свою волю на сферу повседневной жизни. В этом мире, несмотря на идеологию индивидуальной свободы и удовлетворения каждого возможного желания, мы видим «смерть игрового духа» и «тоскливую запрограммированность повседневности, осуществляемую с помощью ее рациональной организации» [Lefebvre, 1968. P. 78–79].

Службы по контролю над животными являются частью этого социального порядка. Они контролируют воспроизводство животных. Они регулируют наши с ними отношения. Они изымают насилие из повседневной жизни, насаждая при этом свое собственное бюрократически организованное насилие. Они предотвращают хаос, помещая борьбу против нерегулируемой природы в стены приютов и других социальных служб.

Владельцы лишены права принимать решения о жизни животных и, что еще более важно, — об их смерти. Регулирование жизни животных происходит как через прямое принуждение (законодательство об охране животных и т. д.), так и через обман и соблазн решить простым способом сложные моральные проблемы. Введение людей в заблуждение насчет того, что об их животных позаботятся, что им найдут новых владельцев, освобождает хозяев от личной моральной ответственности. Этот процесс облегчает переход животного как «члена семьи» в доме человека, рассчитывающего на заботу, в смертельные объятия учреждений.

Убийство совершенно не обязательно должно быть частью процесса по поддержанию порядка в отношениях человек — природа. Например, в последнее время многие американские приюты для животных вводят программы «без умерщвлений». Правда, есть мнение, что приюты, в которых заявлена такая политика, просто избавляются от живот-

ных, передавая их в учреждения, которые продолжают их убивать. Италия же просто запретила эвтаназию здоровых собак и кошек. Это привело к другой проблеме. Животные стали скапливаться в приютах, где они заражаются паразитическими или инфекционными заболеваниями [Lucidi et al., 2005. P. 105].

Само существование домашних животных в современном обществе создает болезненные моральные проблемы. Эти проблемы часто скрываются за фасадом фальшивой сентиментальности и языком «заботы». Однако реальность наших отношений с животными (которую в полной мере можно обнаружить только в местах, скрытых от глаз публики) показывает на то, что мы очень далеки от «гуманного» к ним отношения. Она также показывает невероятный размер насилия, которое возникает при попытках урегулировать хаос естественной (и социальной) жизни.

Возвращаясь к началу статьи, вспомним нашего путешественника, воодушевленного гуманным отношением к животным в западном обществе. Легко можно представить, как вглядевшись в эту «утопию», он начинает с ностальгией вспоминать о прошлой жизни с ее подвалами, полными кошек, и собаками, которые безнаказанно лаяли, гоняясь за велосипедами.

Список литературы

- Arluke A., Sanders C.* Regarding animals. Philadelphia: Temple University Press, 1996.
- Bauman Z.* Modernity and ambivalence. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Bauman Z.* Wasted lives. Oxford: Polity Press, 2004.
- Christensen E., Scarlett J., Campagna M., Albro Houpt K.* Aggressive behaviour in adopted dogs that passed a temperament test // Applied Animal Behaviour Science. 2007. Vol. 106. № 1–3. P. 85–95.
- CNN.com.* No-kill shelters hurtful to animals? August 13, 2007 // edition.cnn.com/2007/living/08/13/no.kill.shelters.ap.
- Davis M.* City of quartz: excavating the future in Los Angeles. L.: Verso, 1990.
- Dog Owner's Guide: Minimizing owner surrenders* // www.canismajor.com/dog/surrend1.html.
- Douglas M.* Purity and danger. An analysis of concepts of pollution and taboo. L.; N. Y.: Routledge, 1966.
- Frommer S.S., Arluke A.* Loving them to death: blame-displacing strategies of animal shelter workers and surrenderers // Society and Animals. 1999. Vol. 7. № 1. P. 1–25.
- Foucault M.* Discipline and punish: the birth of the prison. L.: Penguin, 1977.
- Foucault M.* The history of sexuality. L.: Penguin, 1987. Vol. II.
- Franklin A.* Animals and modern cultures: a sociology of human-animal relations in modernity. L.: Sage, 1999.
- Garland D.* Punishment and welfare. A history of penal strategies. Aldershot: Gower, 1985.

- Griffiths H., Poulter C., Sibley D.* Feral cats in the city // *Animal spaces, beastly places* / Edited by Ch. Philo, Ch. Wilbert. N. Y.: Routledge, 2000. P. 56–70.
- Hallsworth S., Young T.* Crime and silence: 'Death and life are in the power of the tongue' // *Theoretical Criminology*. 2008. Vol. 12. P. 131–152.
- Hamblet W. C.* The sacred monstrous: a reflection on violence in human communities. Lanham, Md.; Oxford: Lexington, 2004.
- Leach E. R.* Humanity and animality. L.: South Place Ethical Society, 1973.
- Lefebvre H.* Everyday life in the modern world. L.: Penguin, 1971.
- Lucidi P., Bernabo N., Panunzi M., Dalla Villa P., Mattioli M.* Ethnotest: A new model to identify (shelter) dogs' skills as animals or adoptable pets // *Applied Animal Behaviour Science*. 2005. Vol. 95. P. 103–122.
- Merleau-Ponty M.* Sense and non-sense. Evanston: Northwestern University Press, 1964.
- Nast H. J.* Loving... whatever: alienation, neoliberalism and pet-love in the twenty-first century // *ACME: An International E-Journal for Critical Geographies*. 2006. Vol. 5. №. 2. P. 300–327 // <http://www.acme-journal.org/vol5/HNa.pdf>.
- Neville P. F.* Feral cats: management of urban populations and pest problems by neutering // *Mammals as pests*, Chapman and Hall / Edited by R. J. Putman. 1989. P. 261–267.
- Palmer C.* Killing animals in animal shelters // *Killing animals*, Animal Studies Group. Urbana, Ill.: University of Illinois Press, 2006. P. 171–187.
- Prison-Based Dog Training Programs*, 2007 // www.coyotecommunications.com/dogs/prisondogs.html.
- Putman R. J.* Introduction: mammals as pests // *Mammals as pests* / Edited by R. J. Putman. L.: Chapman and Hall, 1989. P. 1–17.
- Serpell J.* The walking larder // *Patterns of domestication, pastoralism and predation* / Edited by J. Clutton-Brock. L.: Unwin Hyman, 1989. P. 199–216.
- Thomas R. H.* The politics of hunting. Aldershot: Gower, 1983.
- Tuan Y.-F.* Dominance and affection: the making of pets. New Haven; L.: Yale University Press, 1984.

Светлана Абрамовна Стивенсон
 канд. социол. наук, старший преподаватель
 Университета Метрополитен, Лондон
 электронная почта: s.stephenson@londonmet.ac.uk
 (Пер. с англ. Н. Даниловой)
